

Литературная страница

Василий ГУЛЯЕВ
ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Любимый край отчаянного детства
Вспоил меня таёжным молоком.
Я деревенский - никуда не деться,
Я счастлив, что рождён сибиряком.
В моём краю поют зимой метели,
А летом - соловьи и родники,
Там лесорубам кланяются ели,
Мелькают в травах косы - челноки.
Поверь мне, город, не кривлю душою
И не хочу ни от кого таить,
Что связано с тобой, мне - не чужое:
И радости и беды все твои
Теперь мои. Живые руки улиц
Натружены, как руки работаг,
Ты будто бы большой пчелиный улей,
Где я один из тысячи трудяг.
Осенние ветра твоим деревьям,
Как и таёжным, грустное трубят.
А если бы я не любил деревни,
То не сумел бы полюбить тебя.
Каким бы ни был мой талант неброским,
Мне хочется, хоть это нелегко,
Для города стать шумным перекрёстком,
А для тайги звенящим родником.

Наталья ПРИВАЛОВА.
МОЕМУ ГОРОДУ
Я люблю этот город неброский,

Говорю от души, не тая,
Город - труженик,
город шахтёрский,
Здесь мой дом и Отчизна моя.

Пусть немного он в угольной саже,
И огнями не блещет проспект,
Но величество многоэтажек
В двадцать первый вонзается век.

Он едва обозначен на карте,
Незнаком большинству поездов,
Всё же маленький город, представьте,
Мне дороже больших городов.

Здесь черёмуха дышит стихами,
И рассветы качает Иня,
Негасимое пламя, как память,
В сорок первый уносит меня.

Бьётся угольных залежей сердце
В отвоёванных недрах земли,

Я горжусь тобой, Ленинск-Кузнецкий,
Не скрывая дочерней любви.

Виктор КОВРИЖНЫХ.
СИЛА
Во мне особенная сила.
Я - крановщик! К тому ж не трус.

Внизу, как будто вся Россия,
Глядит народ, глаза разиня,
Как поднимаю мощный груз!

Тридцатитонную громаду
Несу неспешно за ограду,
На брусью вежливо кладу.
С небес спускаюсь и с бригадой
Беседы разные веду...

Светлана УЛАНОВА.
ШАХТЁРСКАЯ ПЕХОТА
Отбой, закончена работа!
И, чёрным обливаясь потом,
По шпалам бодро, как по нотам,
Идёт шахтёрская пехота.

В пластах угля звенят пустоты,
Летят по штреку анекдоты,
А «на-гора» - в свои заботы
Идёт шахтёрская пехота...

Есть дружок у меня, Лёнька,
тот ещё чудак, вечно с ним
что-нибудь приключается. На
охоту поедет - патроны дома
забудет. То на рыбалке ночью,
пока спал - лодку упёрли. А как-то
раз, помню, поехали мы с ним
на рыбалку на его стареньком
«Запорожце». Он его тогда чуть
ли не всё лето ремонтировал.
Туда доехали нормально, пе-
реночевали, рыбы наловили.
Стали отъезжать от озера.
Лёнька включил заднюю скорость
и стал задом на дорогу
подниматься,
а тут что-то
щелкнуло,
и скорость
заклинило.
На дорогу
выехал, а
скорость пере-
ключить
не может. Заглушил, стал смот-
реть. А чего там высматривать
- бесполезно, у «Запорожца»
коробка передач так запрятана,
не подлезть, и всё кожухами
закрывается. «Ох и сволочь, ты
Лёнька, - говорю, - отремонти-
руешь машину, мастер хренов.
На один день и хватило... Какого
чёрта ты стал задом выезжать,
ехал бы передом, как все люди,
Шумахер, блин...»

Походили мы вокруг машины,
почесали затылок. Я ему тогда
всё высказал, что думаю о нем
и о его убойном авто, а ехать
то все равно надо. Попробовал
Лёха машину завести - не заво-
дится. Решили с горы толкнуть,
чтобы на ходу завелась. Лёнька
в машине, я толкаю, «Запоро-
жце» пофыркал, подёргался и
завелся, да только на задней
скорости. Лёха на бугор выехал,
я запрыгнул, и в путь. Так за-
дом и поперли вдоль просеки.
Пока по просёлочной дороге
ехали, эта картина у березняка
вопросов не вызывала, а как на
асфальт выбрались, тут среди
водителей паника началась. Из-
далека-то ведь не понятно, что
происходит, куда машина едет,
в какую сторону, по какой полосе?
Вроде бы смотрит передом в
одну сторону, а едет в другую.
Лёнька ещё и скорость прилич-
ную набрал, говорит: «Не боись,
Санька, прорвёмся!», а сам баш-
ку вывернул на сто восемьдесят
градусов и едет. Машины на

обгон идут - приостанавлива-
ются, водилы - кто хохочет, кто
пальцем у виска крутит, кто аж к
стеклу прилип от любопытства.
Лёнька ближе к обочине, ему
проще, а я в аккурат лицом к
водителям, только успеваю им
морды корчить. Один высунулся
в форточку, орёт: «Что, мужики,
забыли, как ездить?». А я ему:
«Чего ты скалишься? У тебя
двигатель, где находится
- спереди?
Так и у нас
теперь

и остолбенели. Лёха закончил
последний вираж и уверенно с
умным видом проехал в город
мимо обалдевшей шеренги.

Нам ещё повезло, что свето-
форов по пути к дому мало, и
те как по заказу - «зелёные»,
а то не знаю, где бы мы тогда
круги нарезали.

Уже на подъезде к дому Лёха
командует:

Наталья КИЛОЧ

НЕВЕЗУЧИЙ

спереди. Чего непонятного?»
В общем, весело так едем. У
меня от такой езды - шиворот-
навыворот шею свело, спасу
нет. А Лёнька ничего, освоился,
шпарит, даже наглости набрался,
давай мотоцикл обгонять. Мо-
тоциклист прижался к обочине,
орёт что-то, по всей видимости,
доброе пути желает.

Вот впереди уже город видно,
а тут как на грех переезд закрыт,
и поезд уже показан - не про-
скочить. И остановиться нельзя
- не заведёмся. Что делать?
Лёнька говорит: «А я по кругу
ездить буду, пока переезд не
откроется». И давай мы задом у
шлагбаума вальсировать. Лёнь-
ка только успеваешь руль руками
перебирать. Поезд проехал,
шлагбаум поднимается, а води-
тели с той стороны переезда так

той, - не затолкаем.
- Да ты чё, Лёнька, я ж не
успею.

- Надо, Санька, надо. Я чуток
скорость сброшу, выпрыгивай
на ходу.

- Ой, чтоб я ещё раз с тобой
куда-нибудь поехал... Твоему
«Запорожцу» уже на свалке
место.

- Прыгай, говорю! Не загоним в
гараж - в машине поселишься,
пока не отремонтирую.

Я выскочил на ходу и что есть
сил к Лёньке. Последний раз,
помню, я так бегал в армии, на
полосе с препятствиями.

Забегал в дом, запылался, кри-
чу: «Ключ... гараж... быстрее...»

Тётя Шура растерялась, глаза
выпучила: «Что случилось?».

А я ей опять: «Ключ... гараж...
быстрее...». Лёнькина мать
трясущимися руками протянула
ключ, я к гаражу. Двери отворил,
слышу - едет. Подтащил бы-
стренько к задней стене стопку
старых покрышек резиновых,
чтоб Лёнька стену не вышиб. А
тот и вправду, залетает задом
в гараж, об покрышки шарах и
встал. Несколькими минут стояла
полная тишина, только слышно,
как мотор остывает.

- Ребята, что случилось? - по-
слышался голос перепуганной
тёти Шуры.

- Да всё нормально, мать,
- отозвался Лёнька, растирая
шею, - сын с рыбалки вернулся,
иди на стол накрывай.

Манная девочка

Оля не любит сыр.
Бабушка зовёт завтра-
кать:
- Пойдём чай пить,
кашу есть...
- Я манная и гречневая
девочка, поэтому мне сыр не давай.
- Почему, сыр очень полезен...
- Нет, мне полезны только дырочки от
сыра...

Четырёхлетняя девочка учится писать печат-
ные буквы. Труднее всего даются буквы З и В.
Но старается, пишет и шепчет:

- З - загнулась галочка. В - этой галочке под-
ставляю палочку, что же ей, погибать теперь?

Трёхлетняя дочурка бежала по дорожке, упа-
ла, хотела заплакать, но сдержалась. В глазах
«застыли» слёзы.

- Мама, у меня в глазах слёзки живут.

Оле три с половиной года. Моей в ванной
руки, туда заходит папа. Она с гордостью ему
говорит:

- Папа, я умница - сама ручки мою.

Папа ей отвечает:

- Ты хвастунья.

- Какая же я «хвастунья», смотри, у меня
хвостика нет.

Малышка не любит халатик, там пуговицы
надо застёгивать. Но сегодня никого не просит
ей помочь.

- Я сама!

Засовывает старательно пуговички в прорамки
и приговаривает:

- Одна птичка в гнёздышке, вторая птичка в
гнёздышке... Пять! Всё - семья в сборе. Можно
за стол садиться...

Людмила ФИЛАТОВА.